

Обычно бурлящий, забитый транспортом Проспект Великой стены сейчас пустовал. Лишь одна неприметная машина, словно черепаха без панциря, медленно ползла вперёд.

Стекло задней дверцы было приоткрыто; в узкую щель пробирался ветерок, щекоча длинные загнутые ресницы симпатичного парня, который, зажмурившись, дремал в салоне. Его тело, обмякшее, точно мокрая глина, постепенно сползло по сиденью всё ниже, кренясь в сторону... пока он с глухим стуком не врезался головой в стекло. Звук вышел болезненным.

Бай Юйци вздрогнул и проснулся.

Перед глазами — спинка переднего кожаного кресла, за окном медленно тянутся и исчезают городские пейзажи, а в ушах навязчиво вьётся тихая усыпляющая мелодия фортепиано.

Он в машине.

Если память не изменяет, мгновение назад он ещё лежал в кровати загородной резиденции семьи Бай. Как он здесь оказался?

Бай Юйци взглянул на единственное живое существо в салоне — водителя. Выпрямив спину, он прочистил горло и подался вперёд:

— Послушайте...

Водитель, увидев в зеркале внезапно возникшую голову, от испуга со всей дури ударил по тормозам. Машина клюнула носом, и оба пассажира ощутимо качнулись вперёд, прежде чем инерция вернула их на место.

Шофёр затрясся, по его лбу градом покатился пот. Он принялся рассыпаться в извинениях: «Надо же так! «Господин Бай» только в дом вошёл, а я уже успел его обидеть!»

Бай Юйци и сам не ожидал, что его голос так напугает человека. Не решаясь больше заговаривать, он мотнул головой, мол, всё в порядке, и молча втиснулся обратно в кресло. На всякий случай незаметно ущипнул себя за руку.

Больно. Значит, не сон.

Говорить вслух Юйци не решался, поэтому достал смартфон и зашёл в Вэйбо.

Он открыл «Черную скалу» — закрытое сообщество антифанатов Юй Сяояня. Там как раз кто-то интересовался, куда пропал самый активный участник группы — «Цици».

Бай Юйци перешёл в личные сообщения. Десятки людей спрашивали, не случилось ли чего, почему он так долго не выходит на связь.

«В смысле — долго?» — опешил он. Кажется, ещё по дороге к семье Бай он вовсе постил неудачные фото Юй Сяояня, поддерживая свой статус главного хейтера.

Вай-фай в машине работал со сбоями. Бай Юйци смахнул шторку уведомлений, собираясь включить мобильные данные, и он заметил дату в левом верхнем углу: девятнадцатое апреля.

Девятнадцатое? Но вчера же было только четвёртое!

Настройки времени сбились?

Юйци отложил телефон и уставился в окно на проплывающие мимо здания делового центра Прохладного города. В его тёмных ясных глазах отражалось полнейшее недоумение — казалось, над его головой вспыхнул целый рой вопросительных знаков.

На каждом втором небоскрёбе висели гигантские рекламные щиты. Прямо перед взором Юйци возник огромный светодиодный экран.

С экрана на него смотрело волевое, словно вырубленное топором лицо. Солнечный свет падал на надбровные дуги мужчины, пряча в густых тенях пронзительный взгляд чёрных глаз. Прямая переносица, чёткие линии — весь его облик отдавал какой-то суровой, пугающей мощью.

«До чего же он страшен, просто катастрофа», — привычно подумал Юйци.

Профиль на экране сменился: мужчина развернулся спиной и ушёл в глубину переулка, а следом поплыли слова социальной рекламы: «Добрые слова, добрые дела, доброе сердце».

Мозг Юйци, всё ещё пытавшийся сообразить, что происходит, окончательно заклинило, стоило ему заметить в углу экрана крошечную надпись: «Юй Сяоянь».

Как профессиональный антифанат, Бай Юйци выдавал едкие комментарии на автомате, не задумываясь:

— Хе, если у него «доброе сердце», то я — воплощение Будды.

В тот момент, когда фигура актёра на экране исчезла, Юйци ещё и закатил глаза с самым вызывающим видом.

Водитель в этот момент случайно глянул на рекламный щит, узнал «хозяина», и у него снова дрогнули ноги. Очередное резкое торможение.

«Ну и ну, а наш господин Бай не промах, раз смеет так отзываться о господине Юй», — в ужасе подумал шофёр.

Юйци не успел закончить свой картинный жест: по инерции его бросило вперёд, и он приложился лбом прямо о планшет, вмонтированный в спинку переднего сиденья.

— Господин Бай, простите... ради всего святого... — Холодный пот у водителя лил уже ручьями. Это был второй раз за десять минут.

Бай Юйци поморщился, потирая лоб, и махнул рукой — дескать, проехали, дело привычное.

— Куда мы едем? — спросил он, приглядываясь к планшету и раздумывая, нельзя ли его как-нибудь отковырять от спинки.

— Разумеется, в Поместье семьи Юй! Не волнуйтесь, мы почти на месте! — быстро отрапортовал водитель. Он лихорадочно соображал: к чему этот вопрос? Неужели Юйци прощупывает почву или напоминает о своём новом статусе? От этих мыслей спина водителя окончательно взмокла.

— К Юй? — переспросил Юйци. — Зачем мне к Юй?

Такое чувство, будто он проспал целый кусок сценария стоимостью в миллион юаней. Ничего не понятно, ритм жизни безнадёжно потерян.

Не успел он закончить фразу, как из соседнего ряда их подрезал какой-то пёстро раскрашенный фургон. С оглушительным «бип!» он притёрся к их борту и вклинился в полосу прямо перед носом Бенгли.

— А? Что вы сказали? — переспросил водитель, оглушённый сигналом.

— Я говорю... — Юйци только набрал воздуха, как из репродукторов на крыше фургона раздался хриплый рёв.

[Технологии меняют жизнь! Хотите разводить свиней — выбирайте «Технологии Хрю-хрю»! Мы обучим вас мастерству профессионального свиноводства...]

— Что?! — Водитель, у которого в ушах теперь стояло только «свиноводство», прокричал в ответ: — Господин Бай, я не слышу!

Фургон ещё раз издевательски сигналил, оставляя за собой густые клубы выхлопных газов.

Юйци открыл было рот, чтобы выдать тираду на чистейшем «диалекте предков», но передумал и просто махнул рукой: мол, гони быстрее. В щель окна уже начал просачиваться отчетливый запах... хрюшек.

Ещё пара секунд этой рекламы — и его уши объявят забастовку!

То ли шофёра задел наглый фургон, то ли он решил реабилитироваться, но скромный «Бентли» резко прибавил ходу. Он лихо обошёл свиноводов, вернул им звонкое «бип» и в ответ обдал облаком элитного выхлопа.

Бай Юйци, наблюдавший за этим маневром, едва не зашёлся смехом — живот заболел. А водитель-то с юмором.

— Господин, мы приехали, — заметив улыбку пассажира, шофёр облегчённо выдохнул. Огромный камень, давивший на его сердце, наконец-то отвалился.

— Да неужели? — Юйци так увлёкся состязанием со свиноводами, что и не заметил, куда они свернули с проспекта.

Из-за всех этих дорожных неурядиц у него не было ни минуты, чтобы спокойно сесть и подумать: что, чёрт возьми, происходит? На какой странице сценария он сейчас находится?

Дайте же хоть краткий пересказ предыдущих серий!

Но поразмышлять ему не дали — машина въехала на территорию поместья.

Впереди раскинулись четыре огромных газона, разделённые фонтанным садом. Автомобиль ещё несколько минут петлял по аллеям, пока не остановился перед комплексом зданий нежно-песочного цвета.

У центрального входа уже выстроились люди: дворецкий и управляющий поместьем, судя по всему, ждали давно.

Юйци потёр затекшую шею, глядя на этот приём с опаской. Он до сих пор не понимал, зачем он здесь, и не знал, какую мину соорудить, чтобы не выйти из образа.

Едва машина замерла, лакей распахнул перед ним дверцу. Юйци не успел вытянуть из водителя ни слова — его уже вели внутрь.

Пожилой дворецкий поклонился и пошёл впереди, указывая дорогу:

— Господин Бай, ваш багаж уже доставлен и разобран. Если возникнут какие-либо пожелания, не стесняйтесь обращаться.

«Багаж? Доставлен?» — Юйци застыл.

— Значит, я здесь живу?

Он подавил в себе желание засыпать старика вопросами и послушно двинулся за ним. Разглядывать интерьеры огромного четырехэтажного особняка не было сил; Юйци просто плёлся следом, пока его не привели в гостиную на втором этаже и не усадили на диван.

— Господин Бай, отдохните немного. Хозяин скоро подойдёт, — произнёс дворецкий, пока маленький помощник расставлял на столике чай и сладости.

— Хорошо, я подожду, — улыбнулся Юйци. Даже если внутри него всё дрожало от неизвестности, он не мог позволить себе выказать слабость перед чужими людьми.

Дворецкий поклонился и вышел.

Поначалу Юйци сидел прямо, словно перед решающим боем, готовый в любой момент выхватить... ну, хотя бы воображаемый меч. Но прошло время, а к нему заходил только маленький помощник, чтобы подлить чаю.

Наконец Юйци расслабился и откинулся на мягкие подушки. Глядя на мерно качающийся маятник настенных часов, он позволил мыслям, которые старательно гнал от себя, вырваться на волю.

В date он не мог ошибиться.

Как бы он ни убеждал себя, что просто сошёл с ума, как бы ни копался в закоулках памяти, последним четким воспоминанием оставалось четвёртое апреля.

В тот день он впервые узнал, что он вовсе не сирота, у которого родители погибли давным-давно, а самый что ни на есть «законнорождённый наследник» семьи Бай.

Выдержав на себе сотни оценивающих и презрительных взглядов, он — на основании теста ДНК, для которого у него тайком стащили волос — был официально признан и поселен в отдельном флигеле поместья Бай.

Сидя тогда на удобной, мягкой кровати, он всё ещё грезил об образе строгого отца и согревал душу старой фотографией матери. Он думал: «Так вот они какие, мои родители».

Потом он принял душ и решил полакомиться печеньем, принесённым на ночь.

А дальше — резкая, скручивающая боль в животе. Сознание начало гаснуть, контроль над телом ускользал.

В последнее мгновение перед тем, как тьма окончательно поглотила его, он почувствовал на языке вкус крови. Солёный и тёплый.

Вязкая алая жидкость толкнулась из горла, заливая подбородок и шею. В свете луны на белоснежной простыне распустились несколько кровавых бутонов.

«Как жалко... бельё испортил».

Это была его последняя осознанная мысль.

Тот день, который должен был стать началом новой жизни в доме Бай, стал его концом.

Юйци вздохнул. В горле пересохло, и он пригубил чай. Убедившись, что никакой реакции не последовало, он осушил чашку одним глотком и вдруг заметил, что в кармане его рубашки что-то лежит.

Он долго смотрел на выпуклость в ткани, пока любопытство не пересилило.

В маленькой коробочке на красном шнурке лежал нефритовый кулон — фигурка смеющегося Будды-Милы высотой сантиметров пять. Белый нефрит имел тот мягкий, тёплый блеск, который появляется у камня только после долгого соприкосновения с человеческой кожей.

Юйци коснулся украшения, и сердце вдруг пропустило удар, а затем забилось гулко и болезненно, словно внутри грудной клетки кто-то бил в барабан.

Под нефритом лежала записка. Написанные изящным, женственным почерком слова гласили: «Цици, ты должен жить. Обещай мне, что будешь жить во что бы то ни стало».

Кто это написал? И кому он давал такое обещание?

Что произошло за те две недели, которые стерлись из его памяти?

Юйци до сих пор физически ощущал тот холод и удушье, ту смертельную сладость печенья в

горле. Он знал — это был вкус самой смерти.

Он почувствовал, как рука, сжимавшая пустую чашку, предательски дрогнула. Единственное логичное объяснение — он переродился.

Но как он — ходячая катастрофа, вечный неудачник, рождённый под самой несчастливой звездой, — мог получить второй шанс?

Неужели полоса невезения длиной в жизнь наконец закончилась и он превратился в «карпа кои», приносящего удачу?

Юйци спрятал кулон и записку. В этот момент вошёл дворецкий.

— Господин Бай, хозяин вернулся.

Старик хотел было удалиться, но вопрос Юйци заставил его прирасти к месту:

— Пойдите. Вы не могли бы мне сказать... кто ваш хозяин? И зачем мне с ним встречаться?

Дворецкий замер. «Он что, память потерял?»

Помедлив, старик выпрямился и, встретившись с ясным, полным искреннего любопытства взглядом Юйци, честно ответил:

— Вы — его законный супруг. Вас забрали из семьи Бай, потому что...

Договорить он не успел. Юйци разжал пальцы, и чайная чашка с тихим стуком упала на ковер. Она покатилась и замерла у самых ног дворецкого.

— Что?! — переспросил Юйци. — Супруг? Я... женат?

Он вскочил, едва не опрокинув столик. В голове набатом била одна мысль: бежать. Какой ещё «супруг»? Он взрослый, нормальный мужик! С какой стати его выдали за другого мужика?!

Проклятье. Уважайте его ориентацию хотя бы немного!

Бай Юйци-то надеялся, что после перерождения избавится от своего проклятия вечного неудачника. Похоже, он радовался слишком рано!

Это не «второй шанс», это какая-то издевка! Всё стало только хуже!

Увидев лицо Юйци, на котором явно читалось желание совершить как минимум одно убийство, дворецкий заволновался:

— Господин, прошу вас, успокойтесь!

Юйци посмотрел на руку дворецкого, преграждавшую ему путь, и, верный своему принципу не касаться посторонних, отступил на шаг:

— Уберите руку. Не мешайте мне.

Иначе за последствия он не ручается.

Почуввав неладное, старик медленно опустил руку.

— Передайте своему «хозяину», что я ни за кого жениться не собираюсь, — бросил Юйци и, пытаясь сохранить остатки достоинства, картинно поправил воротник и широким шагом направился к выходу.

— Господин Бай... — Дворецкий проводил его взглядом, пытаясь найти слова, чтобы остановить.

Но останавливать не пришлось.

Юйци, занеся ногу для следующего эффектного шага, аккуратно опустил её точно на ту самую чашку, что валялась на ковре.

Он поскользнулся, и Юйци, пытаясь спасти положение, резко выбросил вторую ногу вперёд.

Раздался характерный звук — «тр-р-рак!».

Бай Юйци, застывший в идеальном шпагате посреди гостиной, отчетливо услышал, как по шву лопнули его брюки. Прямо там, где не следовало.

В этот самый момент в дверях появился Юй Сяоянь. Застав финал этого впечатляющего акробатического этюда, он на мгновение замер. Кадык на его горле дернулся, а он помрачнел, изучая «молодого супруга».

— Довольно необычное приветствие, — невозмутимо произнёс он.

Юйци медленно поднял голову и встретился глазами с лицом, которое он каждый день поливал грязью в соцсетях.

«Твою же мать...» — только и смог подумать он. — «Пропал я».

<http://bllate.org/book/17443/1648504>